

УДК 316.334.3:324

ББК 60.561.328

И 26

И.В. Игнатушко,

преподаватель кафедры общественных наук Керченского государственного морского технологического университета, г. Керчь, тел.: +9787773990, e-mail: valira1971@yandex.ru

С.В. Масеев,

докторант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79097777784, e-mail: advokat-stas@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье осуществляется попытка анализа электорально-правовой культуры, которая, будучи составляющей политической культуры, сочетает в себе субъективный процесс осознания людьми необходимости участия в общественно-политической жизни через самый распространенный в современном мире механизм - политические выборы с объективной необходимостью делегировать свое суверенное право на высшую власть в государстве посредникам в виде индивидуальных или коллективных электоральных акторов. Таким способом, с одной стороны, реализуется родовая сущность человека как «политического существа», а с другой - обеспечивается легитимность функционирования политической системы, которая получает, по крайней мере, номинальную поддержку со стороны подавляющего большинства граждан. Учитывая то, что в переходных обществах выборы не только выполняют классическую функцию изменения позиций правящего и оппозиционного класса, но и несут огромную социально-психологическую нагрузку, становится понятной стабилизирующая роль электорально-правовой культуры в жизни общества.

Ключевые слова: политическая культура, электоральная культура, правовая культура, выборы, электоральная активность, электоральное поведение, избирательные системы, страны постсоветского пространства.

I.V. Ignatushko,

Teacher of Department of Social Sciences of the Kerch State Marine University of Technology, Kerch, ph.: +9787773990, e-mail: valira1971@yandex.ru

S.V. Maseev,

Doctoral Candidate of Department of Philosophy and Sociology, the Adyghe State University, Maikop, ph.: +79097777784, e-mail: advokat-stas@mail.ru

CONCEPTUAL-METHODOLOGICAL ANALYSIS OF ELECTORAL LEGAL CULTURE

Abstract. In the paper, an attempt is undertaken to analyze electoral legal culture which, being a component of political culture, combines subjective process of understanding by people of need to participate in social and political life through the mechanism, most widespread in the modern world, – political elections with objective need to delegate the sovereign right for the higher authority in the state to intermediaries in the form of individual or collective electoral actors. In such a

way, on the one hand, the patrimonial essence of the person as “political being” is implemented, and, on the other, the legitimacy of functioning of political system which receives, at least, nominal support from the vast majority of citizens is provided. Considering that in transitional societies elections perform not only classical function of change of positions of a ruling and oppositional class, but also bear large social and psychological loading, a stabilizing role of electoral legal culture in life of society becomes clear.

Keywords: political culture, electoral culture, legal culture, elections, electoral activity, electoral behavior, electoral systems, countries of the former Soviet Union.

Следует подчеркнуть, что объективные процессы в политике, включая образование политических течений и платформ, создание партий и общественных организаций, борьбу между ними, проявляющуюся, прежде всего, в виде выборов, неразрывно связаны с общественным сознанием, и в первую очередь - с такими его элементами и формами, как политическая идеология, политические представления, политическая культура людей.

Напомним, что понятие «политическая культура» введено в научный оборот еще в XVII в. немецким философом Иоганном Готфридом Гердером, воззрения которого, по мнению В.И. Вернадского, сложились под влиянием И. Канта, учеником которого был Гердер [1; 214].

Однако, несмотря на то, что терминологически «политическая культура» довольно широко использовалась в самых разных интерпретациях, политиками, учеными, журналистами, фактически ее определение было дано только в 50-60-х гг. XX в. Представители бихевиоризма Г. Алмонд и Г. Пауэлл первыми пришли к выводу, что политические системы отличаются друг от друга не только правовыми нормами и институциональной структурой, но и уровнем культуры – общей и политической.

Классическое определение понятия «политическая культура» было дано в их работе «Сравнительная политика» [2].

Политическая культура, по данному определению, представляет собой совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников

данной системы. Это субъективная сфера, которая лежит в основе политических действий и придает им значение [3; 511].

Исследования привели авторов к выводу, что политическая культура как социальный феномен имеет двойную сущность: с одной стороны, она является подсистемой политической системы общества, а с другой — подсистемой его общей культурной системы. Таким образом, политическая культура трактуется как общее поле функционирования двух систем общества: политической и культурной. Через него общественная культура влияет на характер политических отношений, а те, в свою очередь, оказывают обратное воздействие на культуру общества.

В другой работе «Гражданская культура» [4] Габриэл Алмонд и Сидней Верба выделяют три основных типа политической культуры: приходская, где нет конкретизации политических ролей и где ориентация обыкновенно не конкретизируется; подданническая культура, где отношение к политической системе в целом является пассивным; третий тип - культура участия, в которой члены общества четко ориентированы на систему в целом. Как отмечается в книге, гражданин есть производное от «участника», «подданного» и «прихожанина», а гражданская культура - производное от перечисленных трех типов культур.

Существуют и другие подходы к характеристике политической культуры. Однако они, как правило, не учитывают политические институты и институции общества, их устоявшуюся практику.

Более развернутое определение политической культуры и ее разновидности - культуры электоральной – дали В.А. Чигрин и А.С. Зубченко [5; 195]. Они определили ее как интегральную характеристику образа и стиля политической жизни общества, систему наставлений, ориентаций и моделей поведения, которые проявляются в деятельности субъектов политического процесса и имеют устоявшийся, исторически обусловленный характер.

Политическая культура, по их определению, является структурным элементом политической системы и функционирует на двух уровнях: индивидуальном и общественном. Индивидуальный уровень характеризует усвоение отдельным человеком политических идей и взглядов, степень зрелости и компетентности в оценке политических явлений. На общественном уровне политическая культура отображает способ реализации политических знаний в определенной системе политических отношений и конкретные действия социальных субъектов по достижению своих политических целей.

Важное место в политической культуре занимает электоральная культура, сформированная на основе собственного приобретенного или переданного опыта, норм и правил, которые характеризуют отношение граждан к институту политических выборов.

В.А. Чигрин и А.С. Зубченко довольно точно указали также особенности политической культуры современных постсоветских стран – определенные межрегиональные отличия, недосказанности в общественном согласии по поводу основных ценностей (национально-культурная идентичность, внешнеполитический выбор и тому подобное), низкий уровень доверия к институтам представительской демократии и политического участия, преобладание персоналистско-ориентированного политического поведения.

Все же наиболее ценным, с точки зрения научной проблемы, сформулированной в нашей статье, представляется выделение ряда функций политической, а следовательно – электоральной, культуры, каждая из которых включает в себя нормативно-правовые элементы.

В этом ключе данное определение соотносится с мнением, что под правовой культурой следует понимать совокупность всех позитивных компонентов правовой деятельности в ее реальном функционировании, воплотившую достижения правовой мысли, юридической техники и практики [6].

Представляется, что сомнение в данном определении вызывает включение в правовую культуру только лишь «позитивных» компонентов правовой деятельности. Необходимо отметить, что достижения могут быть как положительные, так и отрицательные. Все они являются культурными достижениями. Кроме того, относительно каких ценностей и установок определяется эта «позитивность»?

Поэтому более соотносимым с уровнем развития и характером общества представляется определение, предложенное М.М. Коринным и В.Ф. Шевченко: «Правовая культура - совокупность законов, правовых норм, их соответствие потребностям общества и наивысшим достижениям правовой науки, уровень знаний, понимания и достижения этих общеобязательных правил в обществе конкретными группами людей или личностью. Правовая культура тесно связана с политической культурой» [7; 258-259].

Возвращаясь к вопросу о взаимоотношении государства и права, политики и права, соотношении политической и правовой культуры, следует учитывать право, которое реально складывается в обществе, как и другие социальные нормы: моральные, нормы традиций, ритуалов и пр. Безусловно, право надлежит формально фиксировать.

И исходить оно должно от государства. Это касается также норм, регулирующих политическую систему. Так, в основе избирательной системы (избирательного законодательства), всей политической системы лежат представления о справедливости в данном обществе, то есть объективно существующее право.

При этом необходимо учитывать замечание Г. Алмонда, который подчеркивал, что трудности, сопровождающие попытки создать в развивающихся регионах мира эффективный демократический процесс и ориентации, необходимые для его поддержания, могут показаться непреодолимыми. Что, как нам кажется, требуется, - это одновременное развитие чувства национальной идентичности, компетентности как в качестве подданного, так и в качестве участника, а также социального доверия и гражданского сотрудничества. Запас средств, находящихся в распоряжении элит новых стран, весьма незначителен, а способность таких обществ быстро и эффективно использовать эти средства имеет свои пределы. Кроме того, есть и другие задачи, решение которых требует тех же средств [8].

По мнению Ю.А. Веденеева и В.В. Смирнова, именно политико-правовой институт дает возможность выйти из состояния закрытого общества, преодолеть тоталитарное социополитическое и социокультурное наследие [9; 25]. Авторы подчеркивают, что гражданское общество, к которому стремятся освободившиеся от тоталитаризма страны, реализует свой суверенитет именно через избирательную власть. А избирательный процесс обнаруживает и фиксирует пространственные и временные, политологические и социологические характеристики власти, ее социополитическую динамику, структуру взаимоотношений между личностью и государством и шире - культурно-исторический тип отношений властвования и господства [8; 21].

Российский исследователь В.Е. Чиркин [10] проанализировал принятые в ряде стран санкции за неявку на голосование, отражающие структуру взаимоотношений между личностью и государством. Иногда наказание ограничивается лишь тем, что у здания суда или мэрии вывешивается список абсентиентов – граждан, не выполняющих свой гражданский долг в соответствии с законом, не явившихся голосовать (Бельгия). Более серьезным наказанием является штраф, налагаемый на абсентиентов только по постановлению суда (обычно судьей единолично). В некоторых странах он невелик (в пересчете на доллары США — около 1 долл. в Египте). В Турции штраф уже больше, почти 14 долл. США, а в Люксембурге штраф за первую неявку составляет 80 долл. США, за вторую — 240. Более суровым, особенно для служащих «среднего класса» (предпринимателей, фермеров или рабочих эта мера затрагивает в меньшей степени), является лишение избирательных прав (обычно ненадолго) по постановлению суда. Теоретически само по себе лишение прав может показаться не имеющим значения для такого избирателя: он и сам по себе не ходит на выборы. Однако это влечет за собой то, что он не может быть принят на государственную и муниципальную службу, даже на «простую», например, учителем в школу, содержащуюся на средства муниципального бюджета. В отдельных странах применяются и более суровые наказания, например, в Пакистане за неявку на выборы гражданам грозит тюремное заключение.

Рассуждая о последствиях каждого из описанных способов активизации электората на выборах в условиях трансформирующейся России, автор, к сожалению, не анализирует причины этого явления, суть которых в условиях стабильного и трансформирующегося общества различна. Реальным подтверждением этого является отсутствие норм, которые

бы административными мерами регулировали участие граждан в выборах, хотя в 2017 году в Государственной Думе началось обсуждение этого вопроса.

Стоит подчеркнуть, что демократические выборы определяются рядом общепризнанных *норм и принципов*, которые, собственно, и делают выборы главным механизмом представительства. При этом самым главным правом здесь является право голоса, без реализации которого все остальные права теряют смысл. В текстах конституций стран с парламентской демократией формулируются и законодательно закрепляются принципы выборности и всеобщности выборов.

К числу основополагающих принципов выборов в демократическом обществе можно отнести принцип равного избирательного права, практическое воплощение которого заключается в том, что в законодательный орган избираются депутаты, представляющие одинаковое количество граждан, а каждый избиратель своим голосом в равной степени влияет на принимаемое электоральное решение.

Принцип непосредственности выборов, когда голосование является прямым, призван создать возможности легитимизации избирательной кампании. Практически в подавляющем большинстве стран мира этот принцип оформлен законодательно и реализуется в процессе выборов, как и принцип состязательности, который дает возможность участия в выборах политическим силам и кандидатам, представляющим интересы самых разных групп и слоев населения. Близок к принципу состязательности принцип равенства возможностей в предвыборной борьбе, который в ряде стран постсоветского пространства (например, Грузия и Украина) постоянно нарушался, что и привело их к нынешнему кризисному состоянию.

Здесь же можно сказать, что политическая и правовая культура в

определенной степени совпадают. Во всяком случае, политическая культура является частью правовой настолько, насколько политическая деятельность урегулирована правом. Безусловно, есть определенные проявления политической активности, которые не урегулированы правом (некорректные высказывания в отношении своего соперника на выборах и др.). Но такие узкие вопросы политической культуры или бескультурья не являются предметом рассмотрения в данной статье.

Следует подчеркнуть, что условия формирования политико-правовой культуры, в том числе культуры выборов, понимаемой в широком смысле слова, определялись общими закономерностями, характерными для экономики, политики и культуры каждого конкретного общества, вследствие чего в избирательном процессе существуют весьма заметные различия.

Все это не могло не отразиться на научном осмыслении проблем политического и электорального процессов в целом и таких их элементов, как правовая, политическая и электоральная культура в частности. Поэтому мы можем выделить несколько ступеней дискурса проблемы.

Первая ступень – появление основополагающих работ П. Сорокина, А. Бентли, М. Вебера, В. Вильсона, Г. Моски, В. Парето, которые были предтечей современного понимания политико-правовой и, частично, электорально-правовой культуры общества, государства, групп граждан и отдельных людей.

Вторая ступень – обобщение и «осовременивание» этих идей и предположений такими авторами, как Г. Ласуэлл, П. Лазарфельд, Т. Парсонс, Д. Истон, Р. Дарендорф, М. Дюверже, Г. Алмонд, которые с разных позиций пытались сформулировать понятия или выявить механизмы формирования политико-правовой и электорально-правовой культуры и их проявления в политических и электоральных практиках.

Третья ступень – формирование новой исследовательской парадигмы, толчком к развитию которой послужила книга К. Эрроу «Социальный выбор и индивидуальные ценности», вышедшая в 1951 году. Характеризуя ее, П. Ордешук подчеркивал, что если европейский студент, изучающий политику, не обойдется без трудов Платона, Аристотеля и т.д., то американцы заменяют это формальным моделированием политических процессов, теорией игр и т.п. [11].

Почти одновременно в разных странах появились различные подходы к характеристикам критериев электорального поведения и электорального выбора, включающих в себя анализ состояния политической и электорально-правовой культуры, которые сегодня выросли в три основных направления и которые характеризовал в своей монографии А.И. Вишняк.

Социологическое (или статусное), которое связывается с именами Б. Берельсона, П. Лазарсфельда, М. Липсета, С. Роккана и других авторов, определяющих электоральное поведение избирателей их солидарностью с определенными социальными группами. Уровень культуры электорального поведения индивидов зависит от принадлежности к этим группам.

Социально-психологическое направление делает упор на то, что в основе электорального поведения лежат внутренние характеристики личности (Р. Вольфингер, С. Розенстоун), указывающие на то, что солидарность избирателей с определенными партиями и их идеологиями формируется уже в процессе ранней социализации (А. Кемпбелл, Ф. Конверс, В. Миллер, Э. Стокс), а избиратели по характеру электорального поведения психологически подразделяются на тех, кто голосует бессознательно, полусознательно и вполне сознательно на базе сложившихся интересов и ценностей (Г. Рамонд).

Теория рационального выбора, которая связывает выбор электоратом определенных партий и кандидатов с социально-экономическими интересами избирателей [12; 153–211].

Однако Ю.Д. Шевченко и другие настаивают, что социологическая и социально-психологическая концепции могут быть объединены в силу того, что одна и другая имеют общую ключевую категорию «солидарность». При этом, если в соответствии с социологической (статусной) теорией избиратель в своем поведении солидаризуется с определенной социальной группой, к которой он принадлежит, то социально-психологическая теория, не отрицая значимости социально-экономических характеристик избирателя, доказывает, что солидаризуется он не с группой, а непосредственно с партией. В связи с этим, автор предложила операционализировать социальный статус избирателей таким образом, чтобы «данную переменную можно было инкорпорировать в социально-психологическую концепцию голосования» [13]. При этом ею предложено называть данную теорию «экспрессивной» вследствие преобладания в поведении избирателей социально-психологических моментов.

В начале XX столетия довольно большое распространение получила теория так называемого проблемного подхода. В соответствии с ней, избиратель в своем поведении руководствуется двумя основными соображениями: близостью своих проблемных позиций к аналогичным позициям партии или кандидата и, кроме того, рациональным определением возможной выгоды от победы той или иной партии или кандидата [14].

Несмотря на внешнюю привлекательность этой концепции, на базе наших исследований мы можем однозначно констатировать, что в условиях переходного общества, не говоря уже о характере конкретных

выборов, она также не может претендовать на всеобщее внедрение.

Во-первых, переходный характер общества от выборов к выборам формирует массу проблем, которые в разной степени касаются конкретных слоев общества, а следовательно - порождают всплески и падения интереса к ним со стороны разных групп избирателей. Так, в Грузии, Украине, Киргизии, Армении мы наблюдали смену рациональных моделей электорального поведения на эмоциональные, а результаты выборов на низших уровнях (местный, региональный) становятся все менее предсказуемыми.

По-иному обстоит дело с выборами и формированием политико-правовой и электорально-правовой культуры в России, где процесс партийно-политической и электорально-региональной структуризации носит более управляемый, чем в указанных странах, характер.

Но говорить о том, что в России работает проблемный характер голосования, определяемый развитостью электорально-правовой культуры, видимо, рано. Тем более что и сами проблемы весьма неоднозначны на выборах, скажем, общенационального или регионального характера.

Отметим, что анализ фактуальной основы электорально-правовой культуры стран постсоветского пространства дает основание утверждать, что электоральный процесс здесь подчинен как общим закономерностям, характерным для переходного общества, так и особенностям государств, начавших движение к демократии в разных стартовых условиях.

К этим общим закономерностям мы можем отнести:

- демонтаж общественной формы собственности на средства производства и становление частной собственности;

- разрушение искусственно созданной социальной структуры в виде социалистической «трехзвенки» и

формирование новой социальной структуры, не имеющей столь нужного для демократических процессов «среднего класса»;

- крах государственной коммунистической идеологии и соответствующей ей монополии на политическую и правовую культуру общества и несформированность политической и правовой культуры нового типа.

В девяностые годы XX в. выборы в республиканские и местные органы власти проходили в заметно иных условиях, нежели буквально несколько лет назад. Законодательство о выборах практически во всех постсоветских странах стало значительно демократичнее. Приобрел опыт участия в реальных выборах и избиратель. К тому же в массовом сознании рассеялись последние надежды и иллюзии, связанные с тем, что перестройка способна в обозримом будущем разрешить насущные нужды и заботы народа, улучшить тяжелое экономическое положение, внести позитивные изменения в сферу быта.

Что касается непосредственно постсоветского пространства, то здесь в 90-е гг. прошлого столетия в ряде республик сложились влиятельные оппозиционные силы. Так, по оценке Н. Нижника, в Грузии, Эстонии, Латвии и Литве полностью сформировались «народные фронты», т.е. фактически избирательные блоки альтернативных партий, организованные, располагающие материальными и финансовыми ресурсами для ведения выборной борьбы [15]. Эти политические движения поставили перед собой задачу – не только победить на выборах, но и окончательно отпочковаться от СССР, изменить в своих республиках социально-экономический строй.

С точки зрения политического фона выборов в республиках, по мнению Б. Идрисова [16], их можно сгруппировать таким образом:

- республики, где имелаась сильная, влиятельная, организованная

оппозиция КПСС, республиканским компартиям, коммунистической идеологии, в противовес которой выдвигались идеи национально-демократического возрождения или открыто националистические идеи (к этой группе причислим Прибалтику и Грузию, а позднее – и Украину);

– республики, где оппозиция хотя и существовала, но была недостаточно сильна и влиятельна, или же к моменту выборов ее противостояние КПСС и коммунистической идеологии еще не носило характера ярко выраженной политической борьбы за власть (в первое время Украина, РСФСР, Беларусь);

– республики, где оппозиция не смогла оказать существенного влияния на ход выборов (Казахстан и Средняя Азия, за исключением Таджикистана и Киргизстана).

Таким образом, подводя некоторые итоги, следует определить, что политические действия, процессы, включая самый массовый из них – электоральный процесс, характеризуются и обуславливаются политическим (электоральным) поведением его субъектов и агентов, активностью такого поведения в повседневной жизни и, безусловно, в период избирательных кампаний, когда политическое поведение приобретает сущностные особенности поведения электорального.

Стабильная, конструктивная политическая, и в первую очередь – электоральная деятельность личности, как правило, наблюдается в стабильных обществах. Однако стабильное поведение не значит, что личность активна, скорее, наоборот: граждане ходят на выборы, участвуют в референдумах как политически образованные и законопослушные лица – и не больше. Им не хватает потребности активно участвовать в деятельности общественных объединений, движений, в политических партиях и тому подобное, поскольку в их жизни есть много других политических острых проблем.

В нестабильных обществах, где происходят существенные социально-экономические, политические, духовные изломы и трансформации, достаточно распространенными являются или высокая политическая активность граждан, или, наоборот, глубокая апатия. Первая наблюдается накануне или в начале радикальных политических изменений, когда граждане возлагают на ожидаемые превращения большие надежды. Второе, напротив, связано с тем, что люди теряют веру в действенность, эффективность тех или других преобразований, когда их ожидания не оправдываются. В таких случаях, как правило, резко снижается интерес к политике как сфере жизни общества в целом. Политическая апатия часто непосредственно совпадает с социальной апатией как крайней формой социальной пассивности, абсолютного неприятия любых форм политического участия, политико-правового нигилизма. Электоральное поведение как субформа политической формы социального поведения людей, групп, сообществ может быстро видоизменяться в зависимости от того, как изменяются их ценности, интересы, возраст, сфера деятельности, социальные отношения и даже социальная система самого общества.

Таким образом, можно констатировать, что, во-первых, изучение отечественной и зарубежной литературы дает основания утверждать, что до сих пор не сложилось общеупотребительной методологии изучения политико-правовой и электорально-правовой культуры в контексте электорального поведения как субформы поведения политического.

Социологи, праведы, политологи, социальные психологи предлагают свои методологические подходы, которые существенно отличаются по уровню, содержанию и характеру, поскольку электорально-правовая культура, как объект исследования требует комплексного

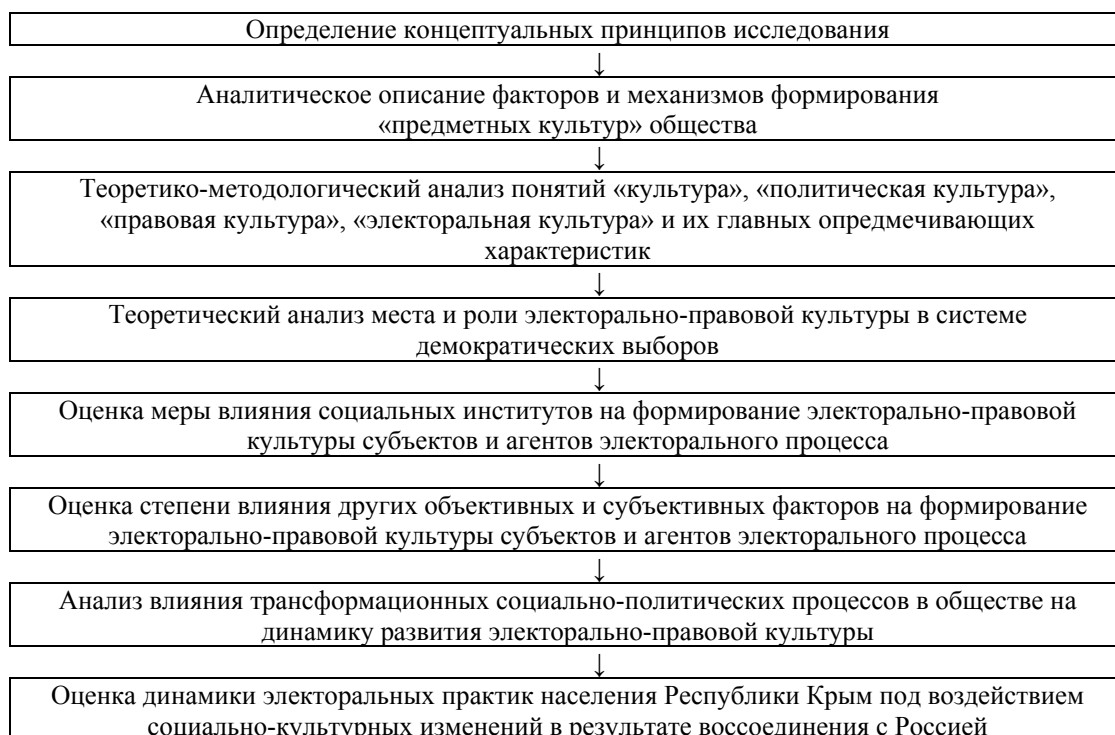

Рис. 1. Концептуально-методологическая модель анализа электорально-правовой культуры

подхода, которого еще не выработано на стыке упомянутых выше наук.

Во-вторых, невзирая на такую общую неопределенность методологических подходов, исследователи, в конце концов, понимают, что в аспекте политических практик, которые являются сегодня неотъемлемой частью практик социальных, в перспективе можно найти реальную парадигму обобщения понятия и моделирования электорально-правовой культуры как основы электоральных практик.

При этом целесообразно оптимизировать круг детерминирующих факторов, которые формируют основы этих моделей. Но, по нашему

мнению, здесь следует внимательнее проанализировать именно критерии понимания и анализа электорально-правовой культуры в контексте социологии и других гуманитарных наук.

Пока же предложим следующую концептуально-методологическую модель исследования электорально-правовой культуры, ее составляющих, а также особенностей ее проявления в электоральных практиках. Представляется, что предложенная модель может стать основой дальнейшего концептуально-методологического анализа электорально-правовой культуры, роль которой все более возрастает.

Примечания:

1. Вернадский В.И. Кант и естествознание // Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. 359 с.
2. Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston, 1966. 420 p.
3. Политология: учеб. пособие для вузов / ред. Н. Сазонова. Харьков: Фолио, 2001. 831 с.
4. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963. 421 p.

5. Соціологія політики: енциклопедичний словник / авт.-упоряд. В.А. Полторака, О.В. Петров, А.В. Толстоухов. Київ: Вид-во Європейського ун-ту, 2009. 442 с.
6. Навальный С.В. Электорально-правовая культура: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 31 с. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=86810>.
7. Корінний М.М., Шевченко В.Ф. Короткий енциклопедичний словник з культури / ред. В.Ф. Шевченко. Київ: Україна, 2003. 384 с. (на укр. яз.).
8. Анохин М.Г. Выборы как фактор демократического обновления политической системы // Вестник МГУ. 1998. № 4. С. 43-48.
9. Представительная демократия и электорально-правовая культура / под общ. ред. Ю.А. Веденеева, В.В. Смирнова. М.: Весь мир, 1997. 224 с.
10. Чиркин В.Е. Какая избирательная система нужна России? // *Общественные науки и современность*. 2000. № 2. С. 37-48.
11. Ордешук П. Эволюция политической теории Запада и проблемы институционального дизайна // *Вопросы философии*. 1994. № 3. С. 23-26.
12. Вишняк О.І. Електоральна соціологія: історія, теорія, методи Київ: Ін-т соціології НАНУ, 2000. 308 с. (на укр. яз.).
13. Шевченко Ю.Д. Между экспрессией и рациональностью: об изучении электорального поведения в России // *Полис*. 1998. № 1. С. 130-136.
14. Ігнатушко І.В. Формування електорально-правової української молоді // *Соціальні технології: актуальні проблеми теорії і практики: зб. наук. праць. Запоріжжя: Вид-во КПУ, 2013. Вип. 57. С. 88-94. (на укр. яз.)*.
15. Нижник Н. Державна влада та державне управління в Україні // *Вісник Української академії державного управління при Президенті України*. 1997. № 2. С. 11-18. (на укр. яз.).
16. Идрисов Б. Электоральная культура: понятие и основные функции // *Соціальні виміри суспільства*. Київ: ІС НАНУ, 2004. Вип. 7. С. 398-406.

References:

1. Vernadsky V.I. Kant and Natural Science // *Selected works on the history of science*. M.: Nauka, 1981. 359 pp.
2. Almond G.A., Powell G.B. *Comparative Politics: A Developmental Approach*. Boston, 1966. 420 pp.
3. *Political Science: a manual for higher schools* / ed. by N. Sazonov. Kharkov: Folio, 2001. 831 pp.
4. Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press, 1963. 421 pp.
5. *Sociology of politics: encyclopaedic dictionary* / comp. by V.A. Poltorak, O.V. Petrov, A.V. Tolstoukhov. Kiev: European University Publishing house, 2009. 442 pp.
6. Navalny S.V. Electoral-legal culture: problems of theory and practice: Diss. abstract for the Cand. of Jurisprudence degree. N. Novgorod, 1999. 31 pp. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=86810>.
7. Korinniy M.M., Shevchenko V.F. A short encyclopedic dictionary of culture / ed. by V.F. Shevchenko. Kiev: Ukraine, 2003. 384 pp. (in the Ukrainian language).
8. Anokhin M.G. Elections as a factor of the democratic renewal of the political system // *Bulletin of the MSU*. 1998. No. 4. P. 43-48.
9. Representative democracy and electoral-legal culture / general ed. by Yu.A. Vedeneev, V.V. Smirnov. M.: Ves mir, 1997. 224 pp.
10. Chirkin V.E. What electoral system does Russia need? // *Social sciences and modernity*. 2000. No. 2. P. 37-48.
11. Ordeshuk P. Evolution of the political theory of the West and problem of the institutional design // *Problems of Philosophy*. 1994. No. 3. P. 23-26.
12. Vishnyak O.I. Electoral sociology: history, theory, methods. Kiev: Institute of Sociology of NANU, 2000. 308 pp. (in the Ukrainian language).

13. Shevchenko Yu.D. Between expression and rationality: on the study of electoral behavior in Russia // Polis. 1998. No. 1. P. 130-136.

14. Ignatushko I.V. Formation of the electoral-legal Ukrainian youth // Social technologies: actual problems of theory and practice: coll. of proceedings. Zaporozhye: KPU Publishing house, 2013. Iss. 57. P. 88-94. (in the Ukrainian language).

15. Nizhnik N.N. State power and state administration in Ukraine // News of the Ukrainian Academy of State Management under the President of Ukraine. 1997. No. 2. P. 11-18. (in the Ukrainian language).

16. Idrisov B. Electoral culture: concept and basic functions // The social dimension of the society. Kiev: Institute of Sociology of NANU, 2004. Iss. 7. P. 398-406.